

TERRY PRATCHETT

TERRY PRATCHETT

I Shall Wear Midnight

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Платъе цвета полуночи

Москва

2023

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П70

Terry Pratchett

I SHALL WEAR MIDNIGHT

Copyright © Terry and Lyn Pratchett, 2010
First published as «I Shall Wear Midnight» by Random House Children's Publishers UK, a division of The Random House Group Ltd

Перевод С. Лихачевой

П70 **Пратчетт, Терри.** Платье цвета полуночи / Терри Пратчетт ; [перевод с английского С. Лихачевой]. — Москва : Эксмо, 2023. — 480 с. — (Терри Пратчетт).

ISBN 978-5-04-170566-4

Тиффани выросла. Она уже не ученица, а взрослая ведьма, и удел, за который она отвечает, составляет ни много ни мало все Меловые холмы. Только вот жители её земли недоверчиво относятся к ведьмам, Нак-мак-Фигли подкидывают кучу проблем, а молодой человек (которого Тиффани никогда и не считала своим молодым человеком!) женится на другой.

Но все сложности и неудачи меркнут в сравнении с тем, что кто-то пускает по следу Тиффани древнее злобное существо. И чтобы справиться с этой напастью, юной ведьме придётся буквально прыгнуть в огонь...

Четвёртая книга о приключениях юной ведьмы Тиффани Болен.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© С. Лихачева, перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-170566-4 ООО «Издательство «Эксмо», 2023

**Перевод некоторых слов и выражений
Нак-мак-Фиглей, с поправкой
на требования приличий:**

(Из наработок 2-жи Констанции Тик, ведьмы)

Большой Человек — предводитель клана (как правило, муж кельды).

Бураны — покрытые густой шерстью создания, которые едят траву и блеют. Не путать с известным погодным явлением.

Верзуны — люди.

Всекарга — очень важная ведьма.

Глазья — глаза.

Гоннагл — бард клана, искусный музыкант, поэт и рассказчик.

Гюйс — очень важное обязательство, нарушить которое невозможно в силу традиций и магического подкрепления. Не пернатое.

Догробный мир — понятие, связанное с верой Фиглей в то, что они мертвы. Наш мир так прекрасен, утверждают они, что наверняка сюда после смерти попадают те, кто хорошо вёл себя при жизни. Поэтому когда кто-то из Фиглей умирает здесь, он просто возвращается к жизни в Догробном мире, который, в их представлении, является довольно скучным местом.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Заморочный — жуткий, странный, иногда — почему-то — продолговатый.

Изводиться — волноваться, переживать.

Карга — ведьма, независимо от возраста.

Карговство — всё, что делает ведьма.

Кельда — матриарх клана, а в преклонном возрасте — мать большинства его членов. Фигли рождаются очень маленькими, а растут быстро; в течение жизни кельда становится матерью сотен сыновей.

Нахрюкаться — меня заверили, что это означает переутомиться.

Невтерпъ — невтерпёж, страстное желание чего-либо: «Чаю охота, аж невтерпъ».

Ой-ёи-ёи — традиционное причитание.

Особая овечья притирка — прошу прощения, но это, скорее всего, не что иное, как самогон. Никто не знает, как притирка действует на овец, но говорят, капелька этого напитка согреет пастуха в холодную зиму, а Фигля — в любое время года. Не пытайтесь изготовить её самостоятельно.

Пискля — слабак.

Прежнедневно — очень давно.

Разбредовина — чепуха, глупость.

Раскудрвить! — восклицание, которое может означать всё, что угодно, от «надо же!» до «мое терпение лопнуло — спасайся кто может!».

Расхилляй — см. Угрязок.

Спог — кожаный мешочек, носится на Фиглевом килте спереди и скрывает всё то, что Фигль, по-видимому, считает нужным спрятать. Обычно содержит всякое-разное, например то, что Фигль не доел, то, что Фигль случайно нашёл и теперь считает своей законной собственностью, и зачастую — потому что ведь даже Фигль способен простудиться — то, что заменяет Фиглю носовой платок (необязательнодохлое).

Старукса — женщина преклонного возраста.

Судьбонос — важное событие в жизни, которое может оказаться роковым.

Таинствия — секреты, тайны.

Тубзя — туалет.

Угрязок — бесполезный член общества.

Упарилровка — нечто вроде сауны. Встречается только в больших курганах горных кланов, где есть источники воды в достаточном для регулярных водных процедур количестве. Фигли Меловых холмов считают, что когда грязи на теле скапливается достаточно, она отваливается сама.

Чувырла — очень нехороший человек/зверь/другое.

Чудила — редкостно нехороший человек/зверь/другое.

Чучундра — нехороший человек/зверь/другое.

Глава 1

МИЛ ГРОМАЗД МАЛ-МАЛЕЦ

И почему это, гадала Тиффани Болен, люди так любят шуметь? Почему шум так важен?

Где-то неподалёку раздавался звук — точно корова телится. Оказалось — оборванец в помятом цилиндре накручивает ручку старой шарманки. Тиффани как можно деликатнее, бочком-бочком отошла в сторону, но шум был ужасно липучим: казалось, дай ему волю, так он за тобой до дома увяжется.

Но то был лишь один из звуков в гигантском шумовом котле: тут шумели все, и каждый пытался перешуметь тех, кто шумел рядом. Люди спорили до хрипоты у импровизированных прилавков, ртом вылавливали из воды яблоки или лягушек¹, подбадривали кулачных бойцов и усыпанную блёстками красотку на высоко натянутой проволоке, орали во всё горло, предлагая сахарную вату, и, если уж начистоту, пили не просыхая.

Воздух над зелёными взгорьями загустел от шума. Казалось, население двух-трёх городков

¹ Потому что проделывали это с завязанными глазами. (*Здесь и далее, если не сказано иного, примечания автора.*)

всё до последнего жителя поднялось на холмы. И теперь здесь, где обычно слышался разве что крик канюка, неумолчно вопили все, кому не лень. Это называлось «повеселиться на славу». Не шумели только воры и карманники: они занимались своим делом похвально тихо, а к Тиффани даже не приближались; кто ж полезет в карман к ведьме? Того гляди пальцев недосчитаешься! По крайней мере, именно этого воры и боялись, а разумная ведьма подобные страхи всячески поощряет.

Если ты ведьма, ты все ведьмы, вместе взятые, думала Тиффани Болен, пробираясь сквозь толпу и таща за собою метлу на верёвочке. Метла скользила по воздуху в нескольких футах¹ над землёй. Тиффани это немного раздражало. Оно вроде бы и удобно, но тем не менее поскольку на ярмарке повсюду бегали малыши с воздушными шариками — и тоже на верёвочках, — Тиффани поневоле казалось, что смотрится она по-дурацки, а если одна ведьма выглядит глупо, значит, глупо выглядят *все* ведьмы, вместе взятые.

С другой стороны, если привязать метлу к изгороди, непременно найдётся какой-нибудь пострелёнок, который отвяжет верёвочку и попытается прокатиться на метле на спор, а тогда он, скорее всего, взовьётся прямиком в верхние слои атмосферы, где замерзает даже воздух. И хотя теоретически она, Тиффани, сможет отозвать метлу обратно, мамы, они такие чувствительные, и вряд ли им понравится отогревать своих отпрысков погожим августовским днём. Нехорошо по-

¹ 1 фут равен примерно 0,3 метра. (*Примеч. ред.*)

лучится. Пойдут разговоры. Ведьмам всегда кости перемывают.

Тиффани смирилась с неизбежным и вновь потащила метлу за собой. Если повезёт, люди решат, что она так приобщается ко всеобщему веселью.

Даже столь обманчиво беззаботное событие, как ярмарка, не обходится без собственного сложного этикета. Тиффани была ведьмой; и как знать, что случится, если она позабудет чьё-нибудь имя или, что ещё хуже, произнесёт его неправильно? Что будет, если упустить из виду мелкие раздоры и распри, и кто там не разговаривает с соседями, и всё такое, и того больше, и ещё, и ещё? Тиффани не знала таких слов, как «минное поле», но само понятие показалось ей вроде как знакомым.

Она была ведьмой. Для всех деревень в Меловых холмах она была ведьмой. Уже не только для родной деревни, но и для всех других, аж до самого Хэма-на-Ржи — а отсюда до него добрый день пути. Область, которую ведьма считала своей и для обитателей которой делала что нужно, называлась уделом, и среди прочих уделов этот считался очень даже неплохим. Редкой ведьме достаётся в собственную собственность целый геологический пласт, пусть даже по большей части покрытый травой, которая по большей части покрыта овцами. А сегодня овец на склонах предоставили самим себе — пусть делают что хотят, и, предоставленные сами себе, они, с вероятностью, делали всё то же самое, что и под присмотром. Овцы, ради которых обычно недоедали и недосыпали, которых выпасали и гуртовали, за которыми бдительно приглядывали, сегодня утратили для фермеров всякий интерес, ведь прямо здесь, на

этом самом месте, происходило диво дивное, равного которому в целом мире не сыщется.

Ну, вообще-то расчисточная ярмарка была одним из величайших чудес света, только если ты дальше, чем за четыре мили¹, от дома не уезжал. Если живёшь в Меловых холмах, то на ярмарке непременно повстречаешь знакомых — всех до единого². А многим здесь случалось повстречать и свою будущую вторую половину. Во всяком случае, все девушки щеголяли в выходных платьях, а парни поглядывали по сторонам с надеждой и приглаживали волосы с помощью дешёвой помады или, что чаще, плевка. Те, которые выбирали плевков, обычно оказывались в выигрыше, ведь дешёвая помада была такая дешёвая, что под жарким солнцем таяла и растекалась, так что молодым людям удавалось заинтересовать не столько девушек, на что они страстно надеялись, сколько мух: мухи тучами слетались попировать на их шевелюрах.

Однако, поскольку событие это никак невозможно было назвать «ярмаркой, куда приходишь в надежде урвать поцелуй, а если повезёт, то и заручиться обещанием ещё одного», ярмарку эту именовали расчисткой.

Расчистка длилась три дня на исходе лета. Для большинства жителей Меловых холмов эти дни считались выходными. Шёл третий день, а в народе говорили, если до сих пор поцелуя не перепало, значит, пора уже и домой. Тиффани никто не поцеловал, но, в конце концов, она ж ведьма. Чего доброго, ещё превратит невесть во что!

¹ 1 миля равна 1609 м. (*Примеч. ред.*)

² Будучи ведьмой, она их всех знала как облупленных.

Если в конце лета погода стояла тёплая, люди нередко укладывались спать прямо под открытым небом, под звёздами, ну, или под кустами. Так что, если вздумал пройтись в ночи, ступай осторожнее, чтобы не споткнуться о чьи-нибудь ноги. И, если уж совсем начистоту, случалось и так, что парочки, как говаривала нянюшка Ягг — ведьма, пережившая трёх мужей, — «развлекали себя сами». Жаль, что нянюшка живёт высоко в горах: вот она бы расчистку оценила — а уж как Тиффани оценила бы выражение лица нянюшки при виде великана!

Он — а это определённо был он, не она, — никаких сомнений на этот счёт — был вырезан в дёрне тысячи лет назад. Белый силуэт на зелёном фоне возник в те времена, когда людям приходилось думать о выживании и размножении в полном опасностей мире.

Ах да, а ещё его вырезали, по всей видимости, ещё до того, как были изобретены штаны. В сущности, сказать, что штанов на нём нет, это всё равно что ничего не сказать. Его бесштанность просто-таки заполняла собою мир. Никак невозможно было пройти по узкой дорожке вдоль подножия холмов, не заметив грандиозного, эгм, отсутствия кой-чего, то есть штанов, — и того, что красовалось там вместо штанов. Эта фигура, безусловно, изображала мужчину без штанов и уж всяко не женщину^{*1}.

Все, кто приходил на расчистку, по традиции приносили с собой лопатку или даже нож и, про-

¹ Пояснения к словам, помеченным *, см. в конце книги. (*Примеч. ред.*)

двигаясь по крутому склону холма сверху вниз, вычищали сорняки, выросшие там за прошлый год, чтобы мел вновь засиял свежей белизной, а великан показал себя во всей красе — как если бы до сих пор этого не сделал.

Когда над великаном трудились девушки, тут уж без хихиканья не обходилось.

А повод для хихиканья, равно как и обстоятельства хихиканья, неизбежно заставляли Тиффани вспомнить нянюшку Ягг: обычно та, широко усмехаясь, маячила где-то за спиной у матушки Ветровоск. Она слыла славной, добродушной старушкой, но на самом-то деле была далеко не так проста. Официально она никогда не считалась наставницей Тиффани, но Тиффани многому научилась у нянюшки Ягг: оно выходило как-то само собою. Девушка улыбнулась этой мысли. Нянюшка владела старым тёмным знанием — древней магией, для которой ведьмы и не нужны, магией, что вросла в людей и в землю. Это была магия смерти, и свадьбы, и помолвки. Магия обещаний, которые остаются в силе, даже если их никто не слышал. И всего того, что заставляет стучать по дереву и никогда, никогда не стоять на пути у чёрной кошки.

Для того чтобы понять эту магию, не нужно быть ведьмой. Просто мир вокруг становится... ну, в такие особенные моменты, становится более настоящим и зыбким. Нянюшка Ягг использовала слово «мистический» — непривычно высокопарное в устах старушки, от которой скорее ждёшь: «Да, бренди глотну с удовольствием, спасибочки, и двойной, пожалуйста, чтобы уж два раза не вставать». А ещё она рассказывала Тиффани

о давних временах, когда ведьмам, по-видимому, жилось куда веселее. Обо всём том, например, что полагалось делать при смене времён года; обо всех обычаях, что ныне живы разве что в памяти народной, а память эта, как объясняла нянюшка Ягг, глубока, темна, дышит и не меркнет. О всяких мелких обрядах.

Больше всего Тиффани нравился обряд огня. И сам огонь тоже. Это была её любимая стихия. Огонь считался таким могучим, таким страшным для тёмных сил, что с его помощью даже браки заключались: жених с невестой вместе прыгали через костёр¹. По всей видимости, тут требовалось коротенькое заклинаньице: нянюшка Ягг не преминула продиктовать Тиффани нужные слова, и они тотчас же запечатлелись в памяти, точно намертво приклеились: многое из того, что рассказывала нянюшка Ягг, оказывалось ужасно липучим.

Но те времена минули. Ныне все сделались ужасно добропорядочными, кроме разве нянюшки Ягг и великана.

В Меловых холмах были и другие изображения. Например, белая лошадь, которая, как считала Тиффани, однажды вырвалась из холма и прискакала ей на помощь. Теперь девушка гадала: а что, если бы то же самое проделал великан? — ведь второпях отыскать пару штанов шести футов

¹ Разумеется, думала про себя Тиффани, если уж прыгать вместе через костёр, то надо заранее позаботиться о жаростойкой одежде и чтобы рядом стоял кто-то с ведром воды, просто на всякий случай. Ведьмы, конечно, дамы разносторонние, но прежде всего они практичны.

в длину куда как непросто. А поторопиться с поисками, как ни крути, очень стоило.

Тиффани похихикала над великаном раз в жизни, и то дело было давным-давно. На самом деле в мире насчитывается всего четыре разновидности людей: мужчины, женщины, волшебники и ведьмы. Волшебники в большинстве своём живут в университетах — далеко, в больших городах; и ещё им не разрешается жениться; Тиффани в толк взять не могла почему. Как бы то ни было, в здешних краях они редкие гости.

Ведьмы — они, безусловно, женщины, но среди знакомых Тиффани те, что постарше, в большинстве своём о супружестве и не помышляли, главным образом по той причине, что все годные мужья уже достались нянюшке Ягг, но ещё, наверное, потому, что у ведьм просто времени нет. Разумеется, изредка случается и так, что какая-нибудь ведьма возьмёт да и выскочит замуж за какую-нибудь важную шишку, как вот Маграт Чесногк Ланкрская, хотя, по слухам, теперь она разве что лечебными травами занимается. А среди молоденьких ведьмочек Тиффани знала только одну, у которой хватало времени на романтические шуры-муры: это была её лучшая подруга с гор, Петулия. Она специализировалась на свиной магии и вскоре собиралась замуж за очень милого юношу, который в самое ближайшее время унаследует отцовскую свиноферму¹, — то есть за без пяти минут аристократа.

¹ Не исключено, что романтическим устремлениям Петулии очень помогло то, что свиньи милого юноши то и дело самым загадочным образом заболели и их